

А. Баркова

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

**ОТ ОЛДОВОГО НЕСТОРА
ДО НЕСТАРЫХ ОЛДИ**

Часть 1

ДРЕВНЕРУССКАЯ И XVIII ВЕК

Александра Леонидовна Баркова
Русская литература от
олдового Нестора до
нестарых Олди. Часть 1.
Древнерусская и XVIII век
Серия «ЛекцииPRO»

*Текст предоставлен издательством
Русская литература от олдвого Нестора до нестарых Олди. Часть 1.
Древнерусская и XVIII век: РИПОЛ; Москва; 2020
ISBN 978-5-386-13658-1*

Аннотация

Давайте посмотрим правде в глаза: мы тихо ненавидим русскую литературу. «Мы», возможно, и не относится к тому, кто читает этот текст сейчас, но в большинстве своем и нынешние сорокалетние, и более молодые предпочтут читать что угодно, лишь бы не русскую классику.

Какова причина этого?

Отчасти, увы, школа, сделавшая всё необходимое, чтобы воспитать самое лютое отторжение. Отчасти – семья: сколько родителей требовали от ребенка читать серьезную литературу, чем воспитали даже у начитанных стойкое желание никогда не

открывать ни Толстого, ни, тем более, Пушкина. Но есть и третья, более глубокая причина, которая кроется в художественных ценностях русской классики, и причина эта – в несовместимости литературы Золотого века с современным психотипом. Чтобы разобраться в этом, и нужен наш курс.

Содержание

Предисловие	6
Лекция 1. Начало древнерусской литературы	16
Лекция 2. Становление стиля древнерусской литературы	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Александра Баркова
Русская литература от
олдового Нестора до
нестарых Олди. Часть 1.
Древнерусская и XVIII век

© Баркова А.Л., 2020

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИ-ПОЛ классик», 2020

Предисловие

Перед вами – не совсем обычная книга. Во-первых, это издание живых лекций, сделанное с максимальным сохранением устной речи и той атмосферы, которая царила в аудитории. Во-вторых и главных, необычен сам курс.

Это курс русской литературы, а не *истории* русской литературы, как привычные учебники.

В чем же разница?

Курс истории литературы должен ответить на простой вопрос: какие в некую эпоху были властители умов, почему они властвовали и как? Курсу истории литературы безразлично, способен ли сегодняшний читатель (не студент-филолог к экзамену, а просто читающий человек) воспринимать тексты этих авторов. Курсу истории литературы не критично, оказывают ли эти тексты влияние на современность (если да, то хорошо, отметят это; если нет – это не умаляет их значимости для своего- надцатого века). Курсу истории литературы безразлично, *хороши* ли эти тексты – в каком смысле не понимай, что такое «хороший текст». Нет, для истории литературы важно лишь одно: этот текст был вехой для своего периода.

Поэтому курс истории литературы только филологи и способны осилить. Остальные уснут крепким сном.

Но здесь вы спать не будете, обещаю.

Потому что в этой книге речь пойдет о сегодняшнем дне. Только о том, что есть в нашей литературе и культуре сегодня, – да, оно взялось не на пустом месте, поэтому добро пожаловать в десятый и прочие века, смотреть, откуда что растет и почему на пальме нашей литературы упорно колосятся яблоки.

Почему этот курс оказался таким?

Это была бурная и увлекательная история. Всё началось с того, что мне исполнилось сорок с чем-то лет. Как ни странно, возраст человека – это очень важный момент для понимания самой сущности русской литературы. В первой части курса он еще не так актуален, а вот понять XIX век без учета возраста читателя просто невозможно. Когда я была школьницей, меня мама ругала: «Ты не любишь русскую литературу, ты не читаешь русскую литературу». Не то что б я ее совсем не читала, я ее читала побольше школьной программы, но любить (наверное, кроме Лермонтова) не любила – это чистая правда.

Как вы понимаете, школьникам любовь к русской литературе такими требованиями вбить просто невозможно. «Вбить любовь» – само по себе звучит прекрасно и изумительно характеризует наше отношение к родной литературе. Но я ее действительно не любила. Почему? Да потому, что русская классика рассчитана на абсолютно другой психологический тип. На психологический тип *взрослого* человека. Она никоим образом не рассчитана на подростка, то есть ти-

нейджера, в меньшей степени она рассчитана на того, кто сохраняет психологию подростка (я много писала о феномене великовозрастной подростковости, в которой нынешнее общество живет и процветает¹). А к чтению русской классики человек по-настоящему приходит после сорока лет, до сорока лет он может ее читать, он может ее любить, но та русская классика, которую человек любит в юности, от той русской классики, которую человек способен любить после сорока лет, иногда отличается на сто восемьдесят градусов. Оценки действительно полностью смещаются. И вот мне стало за сорок – и в моем организме обнаружилась нехватка русской классики, вследствие чего вы сейчас держите в руках эту книгу.

В детстве я безумно любила древнерусскую литературу – «Слово о полку Игореве», летописи в адаптации для детей. Тем не менее когда я училась в университете, то на экзамене умудрилась по ней схлопотать четвёрку. Я долго буду ругаться на профессора, который у нас вел этот предмет, потому что надо же было так ужасно читать, чтобы я с моей любовью не хотела знать и любить те вещи, о которых сама в этой книге буду рассказывать взахлеб. К самому вкусному привить стойкую неприязнь! Почему? Потому что большая часть древнерусской литературы прямо связана с православной тематикой. А я, как человек весьма далёкий от христианства, про православие читать не хотела, и отсюда возника-

¹ Баркова А.Л. Подросток. Исполн. Регресс. М., 2019.

ли конфликты. То есть это *проблема формы и содержания*. Я сразу скажу, что сия проблема стоит в ряду негаснущих вопросов: «кому на Руси жить хорошо?», «кто виноват?», «где деньги, Зин?» и т. д. Готовьтесь: проблема формы и содержания нас будет волновать все сорок лекций.

Продолжая рассказ о том, откуда этот курс взялся. Итак, было мне сорок два, и читала я многотомную «Дюну» Герберта. И в какой-то момент мне стало безумно скучно, и захотела я перечитать «Разгром» Фадеева. И тут мне стало повеселее, мне стало совсем весело, потому что я увидела сюжет, который идеально совпадает со второй «Дюной» (дойдем до Фадеева – покажу в деталях).

После этого я поняла, что русская литература – совсем не та, какой я ее воспринимаю, потому что обнаружить совпадение сугубого соцреализма с сугубой фантастикой – это мощное потрясение. И вот когда я переживала это, то мне чертовски захотелось взять и глобально перечитать нашу классику, вдруг оказалось, что в нашем институте УНИК, где я работала с 1993 по 2017 год, случилось «государственное дело: позарез нужен олень» – на факультет журналистики срочно требуется преподаватель русской литературы, разом на все одиннадцать веков. Я, разумеется, схватила этот курс, как Буратино Шушере за хвост.

Я отлично знала, в какую мясорубку лезу, потому что преподавать древнерусскую литературу на факультете журналистики – это... как бы вам сказать, удерживаясь в рамках рус-

ского цензурного? – это ужас, кошмар и ненависть, причем с обеих сторон.

От своих друзей-журналистов я слышала самые негодующие слова в адрес преподав по древнерусской. Самые ненавистные. От своих коллег, преподающих древнерусскую, я слышала менее экспрессивную лексику в силу их возраста и ученых степеней, но с поправкой на специфическую профессиональную психологию – примерно то же самое. То есть, по словам студентов, все препода по древнерусской – козлы и сволочи, а с другой стороны баррикад считают, что все студенты-журналисты – лодыри, враги культуры и вообще с противоестественного факультета (поскольку бывают естественные и неестественные, а этот – противоестественный).

Поэтому я понимала, что вхожу в клетку к тиграм. Что ж, бедные тигры. Они просто еще не знали, кто к ним вошел. Я их поставила в очень жесткие условия. Условия следующие: они должны были мне к *каждой* лекции писать работу по ее теме, то есть мы еще *не* проходили материал, а они уже должны по нему сдать работу. Это очень мобилизует, особенно журналистов. Итак, сдать работу, где нужно ответить на вопрос об актуальности этого произведения на данный момент. Какая-нибудь «Повесть временных лет», зачем она нужна человеку в XXI веке вообще и журналисту в частности. И ответить микростатеечкой на пару абзацев, можно побольше, но не очень длинной. И так к каждой лекции, и так полтора года.

Они взвыли. Через полтора года они взвыли снова: «Как так, мы три семестра провели в мясорубке, а теперь она закончилась! Верните нас в мясорубку, мы за нее заплатили!» Шучу, но тем не менее. Зачем нужны были такие зверства? Во-первых, для журналёнка это отличная тренировка. Спрашиваешь их на первой лекции: что главное в профессии журналиста? Они тебе ляпнут возвышенное: «Быть объективным! Осветить вопрос со всех сторон!» Где только такие невинные души берутся в наше время? А ты им снимаешь розовые очки и говоришь: главное – это сдать текст вовремя! И точка. Прочее вторично. Текст не сдан вовремя – и всё, нет его, вся объективность и прочее обращаются в прах. Поэтому марш писать мне эти полстранички к каждой лекции. Заодно, как вы понимаете, я их вынудила читать тексты.

Во-вторых, мы сейчас живём в очень интересное время, когда у нас принципиально изменились отношения «педагог – ученик». Если в советское время образование поднимало престиж, статус, то есть было чем-то большим, нежели получение знаний и профессии, то сейчас знания нужны, но с дипломом всё неоднозначно. Сейчас область, где нужен твой диплом, настолько микроскопична, что мы не будем говорить об этом. А если корочка нужна, то ее и купить несложно. Поэтому у нас очень сильно изменились отношения между педагогами и учениками. Нынешний студент хочет, чтобы ему было интересно, увлекательно, поэтому нынешнее образование – это борьба за внимание студентов. Ес-

ли педагог на нее идет, то молодец, он выиграл; если не идет, то – студенты лодыри, преподы козлы, жалобы в деканат друг на друга, всё стандартно.

В этой ситуации говорить с журналистами можно только об одном – об актуальности. То, что неактуально, не нужно журналисту; это нормально, это его профессия. Так что я, перечитывая всю древнерусскую литературу, постоянно говорила об актуальности. Так от классического курса истории русской литературы осталось то, о чем я сказала в первых строках.

Итак, здесь речь пойдет о том, что *сами по себе* произведения меня интересуют мало или не интересуют вовсе. Что нам, в конце концов, эта «Повесть о Петре и Февронии», пока не пришел День Ромашки? Когда пришел День Ромашки, мы слаженными рядами «Повесть о Петре и Февронии» возненавидели (и о причинах поговорим). Но! благодаря этому «Повесть о Петре и Февронии» становится частью нашей жизни, частью *современной* культуры. С другой стороны, а точно ли в эту несчастную «Повесть» автор XVI века вкладывал то, что сейчас люто высмеивает Интернет?

Каждое произведение мы будем рассматривать *в контексте культуры*. И даже не одной культуры, а разных. Во-первых, современной: как оно звучит сейчас? Во-вторых, той культуры, когда оно создавалось. Пушкин назвал Татьяну «идеалом», а только вот что именно означало это слово двести лет назад? Вдруг оно потихоньку сменило значение, раз-

решения у учебников не спросив?

И в-третьих, русской культуры в целом. Все одиннадцать веков (чуть больше на самом деле, но от более раннего времени текстов не дошло). У нее есть ценности. И эти ценности оказываются чертовски стабильны. Ни сабля татарская, ни пуля немецкая, ни второе южнославянское влияние, ни большевистская реформа орфографии их не берет. И обнаруживать эти универсалии – самое интересное, что только может быть при анализе текстов. Когда древнерусская литература оборачивается просто русской, без всякого «древне-», а соцреализм оказывается совсем не реализмом и даже не очень-то «соц-», а просто отличными книгами.

Мы живем в замечательное время. Сейчас только ленивый не говорит об упадке культуры. Но я ленивая, поэтому об упадке культуры не говорю. Когда на Красной площади проходит Книжный фестиваль, я вспоминаю своё советское пионерское детство и пытаюсь представить, что бы я подумала, если бы мне тогда сказали, что на Красной площади будут не только парады, но и гигантская ярмарка книг. И каких книг! Знаете ли вы, как *доставали* книги в советское время? Каким событием был выход того, что отличалось от общей уныло-правильной массы, хоть в художественной области, хоть в научной! Если бы мне в восьмидесятом году рассказали, какие книги будут продаваться на Красной площади, то я бы скорее поверила, что инопланетяне прилетят. Инопланетя-

не были реалистичнее, чем книги по мировой мифологии на Красной площади! А если бы мне сказали, что там будет и мое «Введение в мифологию» и что я там буду выступать с лекцией, я бы, наверное, не поверила вовсе. Такое просто не укладывалось в сознании в эпоху смотров строя и стенгазет.

Так что мы живем в эпоху отнюдь не упадка культуры, а в эпоху взлета культуры. Почему же тогда нынешнюю бездуховность и невежество все ругают? Ответ очень прост. Это временная дистанция. Чем большей дистанцией от нас отделено какое-то время, тем больше мы этот период или романтизируем, или видим в нем только ценные для нас реалии. Любую историческую эпоху мы ценим за ее достоинства, а сколько там было грязи, ужаса и просто неважного нам сейчас, мы или не знаем, или знать не хотим. И чем сильнее от нас отдалён тот или иной период, тем больше кажется, что тогда-то было всё расчудесно, а сейчас всё плохо.

И замечательной особенностью нашего нынешнего культурного взлёта является то, что о русской литературе стали много говорить. Сейчас в Интернете – превеликое множество бесплатных лекций. Я свою ленту «ВКонтакте» боюсь смотреть, я чувствую себя студентом, на которого ежедневно обрушивается зверское количество научной литературы, намного больше, чем он способен через себя пропустить. И среди множества бесплатных лекций разнообразные курсы по литературе, как зарубежной, так и отечественной. В таких условиях провести большой курс лекций по литературе без

спонсоров практически невозможно, так что я сердечно благодарю компанию Storytel, которая взяла на себя его организацию, и Дом-музей Марины Цветаевой, в котором такому курсу самое что ни на есть место, потому что хулиганство от высокой культуры и имя Цветаевой связаны куда больше, чем Ленин и партия небезызвестных в известных строках.

Лекция 1. Начало древнерусской литературы

Чтобы начать говорить о древнерусской литературе, надо определиться с предметом. Что есть литература и чем она отличается от словесности? Под термином «литература» мы понимаем тексты письменные (в словесность входят еще и тексты устные, фольклор). И вот здесь я должна произнести фразу, которая во времена моей юности была абсолютнейшей банальностью – банальнее, чем дважды два четыре, а сейчас из аксиомы превратилась в теорему, и эту теорему надо доказывать, и еще найдётся энное количество людей, которые выскажут: «А я всё равно не верю».

Наша аксиома, она же теорема: русская литература появилась с приходом христианства.

Что это означает? Была ли у нас русская языческая культура? Конечно. Безусловно. Были ли у нас какие-то сказания о богах, героях, древнерусский эпос дохристианский? Был или не был? А как же ему не быть, если у нас был достаточно серьезный языческий пантеон, если Святослав тот же активно сражался с Византией, то есть и армия хорошая, и культура серьезная. А где армия – там и эпос, а где пантеон – там мифы. Итак, у нас был разветвленный культ, и Владимир в молодости проводит языческую религиозную реформу. Что-

бы религиозная реформа – да без священных текстов?! Не бывает такого! Конечно, языческие тексты у нас были. Вопрос – где всё это? И вот здесь я хочу напомнить вам вещи, о которых я говорила много раз, но в лекциях по славянской мифологии, а сейчас их надо обозначить здесь.

Дорогие мои, скажите мне, пожалуйста, в условиях нынешней нашей современной реальности, какая книга правильная: книга бумажная или книга электронная? Бумажная, конечно? Альтернативную точку зрения кто-нибудь выскажет? Нафиг бумагу, даешь электронку! Вот, отлично. Сейчас подеретесь.

Так вот, дорогие сторонники бумажных книг, дорогие сторонники электронных книг, вообразите, что машиной времени мы вас переносим на одиннадцать веков назад. Я хочу напомнить, что в традиционном обществе невероятно развита память, беспредельно развита память. Я хочу напомнить, что в Древней Индии, в очень древней, в XII веке до нашей эры, складывали священные гимны и помнили их наизусть с точностью даже не до слова, а до звука – на протяжении более чем тысячи лет. Документальные свидетельства о том, что эти гимны записывали (я подчёркиваю, гимны были сложены в XII веке *до* нашей эры), это XI век *нашей* эры. Хотя я подозреваю, что поскольку традиция записывать священные тексты в Индии была где-то примерно уже в IV веке до нашей эры, то всё-таки и гимны тоже примерно тогда же и записали.

Другой пример, поближе. В Афинах при Перикле образованные юноши наизусть знали «Илиаду» и «Одиссею» целиком. Представили себе эти поэмы, двадцать четыре песни в каждой. И – наизусть! Понимаете, вот такой у них был объём памяти. У нас это на внешних носителях, «книжка» называется, а они всё это держали в головах. У нас оперативка мощная, у них архивная память была офигительная, извиняюсь за научный термин.

Так что всё хранилось в памяти, всё хранилось в головах – гигантские стихотворные объёмы текстов, просто невероятные по нашим меркам. И именно стихотворные, а не прозаические, потому что стихи заучиваются легче, чем проза (а песня – легче, чем просто стихи, и именно поэтому эпос исполняется нараспев). Проза развивается там, где сакральный текст может быть письменным.

Дорогие сторонники бумажных книг, вообразите себя языческими жрецами, которые свои гимны к богам языческим славянским поют, свой эпос знают наизусть. Чем мы хуже индийцев и греков? Мы не хуже! Значит, волхвы тоже знают свою священную традицию наизусть. А тут, понимаете, пришли какие-то византийцы, со своим, понимаете ли, христианством и со своими, понимаете ли, буквами, которыми они записывают. Ваше мнение о записи ваших текстов? А, дорогие мои волхвы? «Никогда и ни за что!» Я надеюсь, вы понимаете мою позицию. Спроецируйте конфликт сторонников бумаги и электронки на конфликт устного и

письменного текста, оцените масштаб противостояния – и увеличьте в пять, в десять, в сто раз, потому что это конфликт религиозный. И вы поймете, что языческий волхв скорее даст себя сжечь заживо, чем запишет свои гимны греческими буквами.

И поэтому я всегда задаю на лекциях вопрос – как звали того мерзавца, который уничтожил русское язычество? И нет, это отнюдь не Владимир Первый Святой. Он ввел христианство, да, но потом Русь прожила два века двоеверия, о котором мы будем очень подробно говорить, разбирая «Слово о полку Игореве». А вот когда приходит Батый, приходит орда и сметает всё на своём пути, то вот тут от язычества не осталось почти ничего, потому что, судя по всему, никаких записей текстов у нас не было.

Итак, языческая культура была бесписьменной не по убожеству своему, а потому что это представление о сакральности устного слова в противовес христианской культуре. Вот, таким образом языческая культура у нас, в силу особенностей своих носителей, сгинула. Это не было *литературой*, потому что литература – тексты письменные. Это была *языческая словесность*. Она была ничуть не менее богатой, чем христианская, но единственное свидетельство того, что она у нас была, – это «Слово о полку Игореве». Такие вот тени на стене, больше мы ничего не знаем.

Итак, абсурдно говорить, что русская *культура* началась с принятия христианства. Но русская литература действи-

тельно началась с принятия христианства, и никакой другой письменности до старославянской у нас не было. Я думаю, что позволите мне не тратить время на рассуждения о «Велесовой книге» и тому подобной лабуде, опять же извиняюсь за научный термин. То, что «Велесова книга» – это не просто подделка, а грубая подделка, это сейчас уже не то что интеллигентные, образованные люди знают, это знают интеллигентные, образованные язычники, им это не надо доказывать. Они это прекрасно понимают, что это было создано в 50-е годы XX века Миролюбовым в Америке и сделано это очень неумело. Есть прекрасная статья Творогова «Что же такое Влесова книга», где очень подробно объясняется, почему это грубая подделка, есть прекраснейшая лекция (легко найти на ютубе) нашего выдающегося лингвиста Зализняка, всё это можно посмотреть, поэтому я просто не буду тратить время.

Всевозможные сочинения о том, что у нас была дохристианская, истинно русская письменность, – это настолько даже не грубые, а глупые подделки, что об этом говорить вообще смешно. Поэтому этот вопрос мы закрыли. Кстати, вот уж кому-кому, а моим журналятам эти вещи надо было объяснять во всех подробностях, потому что именно журналисты раззвонили о «Велесовой книге».

Итак, на Русь приходит христианство. Я, заметьте, пока еще не обозначила смысл термина «Русь». С ним тоже, как

с «литературой», не всё однозначно, его тоже надо определить. Важно другое. Чем православный батюшка принципиально отличается от католического священника? В чем радикальная разница? В личной жизни, подсказываю. Вот, правильно: чтобы быть рукоположенным, он должен жениться.

Итак, как вы прекрасно понимаете, от этих браков рождаются дети, а дальше, по священному правилу «мучился сам – помучай другого», наши с вами русские батюшки своих детишек учат грамоте. Обращаю внимание на слово «детишек», я не сказала «сыновей». Женились тогда рано, поколения сменялись быстро, и мы имеем следующее прелюбопытнейшее явление: старший сын наследует приход, становится священником, а остальные сыновья и дочери уходят жить мирской жизнью и уже своих детей учат грамоте. Что мы имеем к концу эпохи двоеверия? К концу домонгольского периода? Новгородские берестяные грамоты. Здесь я интересующихся отсылаю к статье в Википедии, она очень хорошо написана. Что такое новгородские берестяные грамоты? Что это в переводе на реалии современной жизни, скажите мне одним словом. Это эсэмэски, совершенно верно. Или чат. Кто их писал и по какому поводу? Их писали все кому не лень, а не лень было многим. Конкретные формы этого самого «не лень» вы можете с интересом выяснить, посмотрев статью в Википедии. Поскольку я новгородские грамоты знаю не по Википедии, то скажу, что абсолютное большинство их посвящено торговым вопросам. Мне об этом следо-

вало сказать, когда я говорила об отсутствии у нас языческой письменности, но я об этом скажу сейчас. Письменность как явление культуры возникает из двух аспектов: кто кому что должен, (долговые обязательства) и где какая граница (межевые). А долговые и межевые тексты, как вы понимаете, это самое возвышенное, что есть в человеческой культуре. Возвышенное некуда. Вот поэтому у нас нет языческих текстов, поэтому то ли тыщу лет, то ли вообще тридцать и три века не желали записывать индийские гимны, да. Потому что сакральное, возвышенное без иронии – это устные тексты, а бытовое, практическое – письменные. Так вот и девяносто процентов новгородских берестяных грамот посвящены торговым вопросам, а всякие там любовные письма, какие-то другие интересные тексты – это любопытно, но это исключения. А стандартная грамота примерно такая: «у одного возьми десять лососей, у другого возьми пять лососей, всё отдай третьему, а я тебе кланяюсь». Вот и вся духовность.

Почему я обращаю на это ваше внимание? Знаете, у нас сейчас есть еще одна бывшая аксиома, которая нынче теорема. Жили-были на Руси два великих поэта Гумилева. Один назывался поэтом, но он немножко был ученым, второй назывался ученым, но немножко был поэтом, я имею ввиду Льва с его замечательными гипотезами, которые несколько более поэзия, чем наука. В общем, сейчас надо доказывать, что татаро-монгольское иго всё-таки было. Так вот, смотрите берестяные грамоты, посмотрите на Новгород XII века,

в котором, судя по всему, что-то подозрительно похожее на поголовную грамотность городского населения. Просто пишут все и обо всём. Википедия радостно смакует, что нашли одну, а может, и не одну грамоту, где матерно ругаются. Ой круто, радость какая-то. Важно не это. Важно то, что осторожно, двери закрываются, следующая станция – Советский Союз, когда у нас будет поголовная грамотность городского населения. Я буду еще об этом говорить неоднократно, я буду вам показывать, какие страшные дыры у нас в культуре образовались вследствие ига, какие пробоины нам нанесло монгольское нашествие. И в частности, поголовная грамотность городского населения – пробоина в восемь веков, однако. А нам говорят, что ига не было, н-да.

Так вот, я хочу обратить ваше внимание, что вот эта самая поголовная грамотность городов, которую мы имели к XII веку, это прямое следствие того, что православный священник перед рукоположением должен был жениться, и поэтому грамотность пошла через его детей, внуков и так далее. Эту мудрую мысль нам излагал на лекциях Борис Андреевич Успенский, выдающийся наш филолог, у которого я училась истории древнерусского литературного языка.

Вот такова была культурная ситуация в Древней Руси. Теперь мы с вами упёрлись в слово «Русь». И упёрлись мы с вами в вопрос призвания варягов. Давайте, просто чтобы не быть голословной, я сейчас открою текст «Повести времен-

ных лет», о которой мы сейчас и поговорим. Итак, известный текст призвания варягов: **«Поищемъ сами в собѣ князя, иже бы володѣль нами и рядилъ по ряду, по праву»**. Я читаю в переводе, чтоб проще было:

И сказали: «Поищем сами себе князя, который бы владел нами и рядил по ряду и по закону». Пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные – норманны и англы, а еще иные готы – вот так и эти. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет».

То, что «порядка в ней нет», это классика. Но нас интересует другое. Слово «русь» здесь везде в переводе стоит с маленькой буквы, потому что русь – это название народа, никоим образом не название государства. «Те варяги назывались русью», «пошли за море к варягам, к руси», вот так. Вам идет список западноевропейских народов, среди которых есть эти самые «русь». Я замечу, что единственное число от слова «русь» будет «русин».

Лирическое отступление. Я готовила этот курс по учебнику 1956 года совершенно сознательно. Знаете, есть прекрасная арабская пословица: «Сомневаешься как поступить – спроси женщину и сделай наоборот». Для арабского мира она верна, в русском обществе это всё немножечко не так, а в арабском обществе с его очень жесткой поляризацией мужского и женского – это самое то. Так и тут: хочешь прочесть журналистам принципиально новый, свежий, оригинальный

курс – проштудируй учебник 1956 года и скажи на лекции всё, что ты об этом думаешь (можно не очень цензурно), студенты будут в восторге. Студенты и были в восторге.

Так вот, в учебнике 1956 года всё это цитируется следующим образом: слово «Русь» каждый раз пишется с большой буквы, и получается что-то интересное и близкое к абсурду. Потому что, как вы прекрасно понимаете, в советской идеологии был антинорманизм принципиальнейший, что приводило к очевидному редактированию текста. Антинорманизм у нас имеет древние, мощные, отличные корни, связан он еще с именем Ломоносова, и не только его. И весь антинорманизм, в общем-то, сводится тоже к цитате из «Повести временных лет». Цитата очень простая: «А словѣнскъ языкъ и рускый одинъ». Причем, если вы хорошо помните «Памятник» Пушкина, там русским по белому сказано:

*Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык...*

И далее идет перечень чего? Национальностей. То есть слово «язык» (это отражено, кстати, в известном вам слове «язычество», то есть народная вера), слово «язык» изначально имело значение – «народ», а уже лингвистический аспект возник позже. То есть выражение «Славянский язык и русский един» мы с вами можем понимать в современном духе, лингвистически, то есть народ русь говорит на том же языке,

что и славяне. А в академическом переводе «Повести временных лет» дается просто и четко: *«А славянский народ и русский един. От варягов ведь прозвались русью, а прежде были славяне; хоть и полянами назывались, но речь была славянской. Полянами же прозваны были потому, что сидели в поле, а язык им был общий – славянский».*

Итак, славяне и русь – это один народ. Сложный вопрос, как это трактовать. Я хочу обратить ваше внимание на тот аспект, что варяги (они же русь) как народ гораздо ближе к славянам, чем перечисленные Нестором шведы, норманны, англй и еще готы. Они занимают какое-то промежуточное место. Существует гипотеза, она мне очень нравится, что слово «русь» происходит от скандинавского слова «ру-отси» – гребцы. А, как вы понимаете, что такое гребцы в условиях Северного моря? Ну хотя бы Балтику себе представьте. Вот представьте себе хотя бы сентябрьскую погоду, вы в море, штормит слегка... и вы сразу хорошо поймете, что гребля в таких прекрасных климатах – это единственный способ не околеть от холода на открытом кораблике. Это, знаете ли, на теплом Средиземном море можно на галерах плавать, гребут там рабы. Потому что там солнышко греет. В условиях Северного моря если ты не гребец, то ты очень близок к состоянию трупа, в случае чего за борт и выкинут. Чтобы корабль хорошо шел, необходимо что? Необходимы слаженные действия гребцов. Так вот, я вас хочу подвести к тому, что понятие «гребцы» в условиях корабля викингов

идентично понятию «дружина», причем не только в военном аспекте. Это действительно спаянное братство, потому что от слаженности их гребли банально зависит их жизнь, они все друзья неразлейвода в самом прямом смысле этого слова.

Забегая немножко вперед, я замечу, что в «Слове о полку Игореве» есть «Русская земля», об этом мы поговорим, но там нет ни слова «русь» с маленькой буквы, в смысле – народ, нет ни слова «русин», а есть слово «русич», которое обозначает дружинников, и только дружинников, а отнюдь не всё население Русской земли: «храбрии русичи поля преградиша чрълеными щиты». И слово «русич», как вы прекрасно понимаете, грамматически означает кого? Потомков руси, это отчество от слова «русь».

И, чтобы закончить с термином «русь», я сейчас найду еще одну цитату из «Повести временных лет».

Игорь (который муж Ольги) идет в поход – и кого он с собой берет? Очень интересный список. *«Игорь собрал воинов многих: варягов, и русь, полян, и славян, и кривичей, и тиверцев, и нанял печенегов».* Шикарный национальный список. При Игоре уже варяги – это одно, русь – это другое, поляне, то есть славянский народ, живущий вокруг Киева, – это третье, а славяне, видимо более отдаленные славянские племена, – это четвертое. Вот такие любопытные дела.

После этого выражение «Киев – мать городам русским» звучит очень интересно и не очень привычно. Получается, что Русская земля, русские города – это те города, где роль

милиции-полиции исполняла эта самая русь. То есть у руси – военная власть.

Вот такая ситуация складывается, несколько отличная от нашего учебника истории, что ж поделаться.

Дальше. Известнейшие тексты про Олега, который, прибыв в Царьград, сражается с греками. Греки предпочитают от него откупиться. Кстати, нам потом это понадобится, когда до Карамзина дойдем (Карамзин деликатно сообщает, что греки вообще-то его побили, но потом всё-таки предпочли откупиться, им этот вариант больше понравился). Итак, Олег заключает с греками договор, где отдельно оговаривается, что греки должны дать руси, когда те придут (русь получит, сколько захочет), и что получают «гостье», то есть купцы (тут детально оговаривается), а затем ставит условия, что греки должны дать шелк разного сорта ему на паруса. Шелковые паруса одного сорта будут у руси, а другого у славян. При этом русь клянётся Перуном, купцы – Велесом, скотским богом, то есть снова русь и славяне – рядом, но отличается друг от друга. Всем шелковые паруса, но шелк лучшего сорта руси, шелк похуже славянам. Но в итоге, правда, всё заменили на холстину, потому что шелковые паруса рвутся от ветра.

В этом смысле очень занятно, что известнейший свод законов называется «Русская правда». То есть правда тех, у кого власть, а власть – те, у кого оружие, всё вполне ожидаемо. Мы в школе проходили, что Ярослав Мудрый был, логично, очень мудрым и, в частности, он всячески преследо-

вал кровную месть и требовал ее замены денежным штрафом. Я сейчас без шпаргалки не скажу, почему тогда была человеческая жизнь, важно другое: в соответствующей статье говорится, что если будет убит русин, то платить надо столько-то. Дальше мы переворачиваем, переворачиваем, переворачиваем страницы и находим статью «если будет убит славянин, то платить надо...» – как вы думаете, сколько? Полстолько? Нет, вы недооцениваете мудрость Ярослава. Столько же. То есть жизнь русина и жизнь славянина стоит при Ярославе одинаково. Славянский язык и русский язык един, понимаете? То есть жизнь русина и славянина стоит одинаково при Ярославе, но это не то что разные статьи «Русской правды», это статьи в разных разделах «Русской правды»! Вот такая вот ситуация была на Руси в десятом – двенадцатом веках.

Я здесь сделаю еще одно лирическое отступление, и я замечу, что Владимир Первый Святой был великим политиком, это безусловнейший факт. А политика – это то, что чистыми руками не делается в принципе. Я, когда мне было двадцать пять лет, работала в Госдуме, мне нескольких месяцев хватило, чтоб все мои идеалы разбились в мелкие дребезги, и я поняла, что нет, спасибо, больше я сюда ни ногой. Так вот, я, просто посмотрев на власть вблизи и изнутри, я поняла раз и навсегда, что власть и подлость, предательство, обман – это даже не две стороны одной монеты, это одна сторона одной монеты. Чистыми руками власть не делается –

или ты порядочный человек, или ты человек у власти. Это не хорошо и не плохо, потому что безвластие приводит к жутким проблемам. Поэтому Владимир Первый, еще не Святой, как мы знаем, провёл очень мощную религиозную реформу, и это была реформа языческая. Он очень жестко обошелся с Новгородом, утопив его в крови, еще устанавливая культ Перуна, еще без христианизации. А потом он сообразил другую вещь, он сообразил, что если Русь не станет христианской, то на нее не будут смотреть всерьез все остальные западные державы. И поэтому христианизация абсолютно необходима, поэтому он крестится сам, поэтому крестит Русь и фактически предаёт своего бога.

Я обращаю ваше внимание на обстоятельства того, что было с идолом Перуна. Всё это сообщает Нестор. Нестор, конечно, монах христианский и всё трактует по-своему, но факты он всё-таки излагает. Я не буду вам сейчас, нарочно не буду цитировать текст Нестора, я вам его перескажу, чтобы сместить акценты.

Происходит следующее. Когда Владимир крещеным возвращается в Киев, он приказывает идолов изрубить, а идол Перуна бросить в Днепр, и двенадцать дружинников провожают этот идол до порогов, отталкивая шестами от берега, чтобы он нигде не приставал. Нестор всё это подает как посягательство на языческого бога, но чего и хотеть от христианского монаха?

Что вас тут должно очень сильно удивлять? Кто такие дру-

жинники, объясните мне, пожалуйста? Не просто военные, а в переводе на современную структуру армии – гвардия. То есть, чтобы посрамить низверженного языческого бога, надо что? Что, что, что?! Надо брать гвардейских офицеров? Что-то как-то не вяжется. Зачем нужны гвардейские офицеры? В какой ситуации абсолютно незаменимы гвардейские офицеры?! Да, вы правы, это эскорт скорее. Но в чем участвует этот эскорт, а?

Я вас хочу подвести вот к какой мысли. К моему глубочайшему убеждению, Владимир Перуна искренне почитал, искренне в него верил, но, как я уже сказала, великий политик, в отличие от нас с вами, должен, во-первых, уметь предавать, этим он отличается от обычного человека, а во-вторых, он должен знать, кого, как и для чего надо предавать. Вот если он предал кого надо, когда надо и как надо, он потом вошел в историю. Но если не того, то тоже, конечно, может войти в историю, но уже как неудачник.

Владимир Первый был великим политиком, и вообще тот факт, что внебрачный сын в итоге стал великим князем Киевским, говорит, что он действительно был непревзойденный. И в числе тех, кого он предал, был его собственный бог. А предав его, он его низверг, а низвергнув, он его похоронил с отданием последних воинских почестей. И если вы на этих самых двенадцать дружинников, которые до порогов (а это далеко!) провожают идол Перуна, посмотрите как на погребальный эскорт, то всё встанет на свои места. Ведь, собствен-

но, сплав по реке – это одна из форм погребения, то есть это государственные воинские похороны, понимаете? Низверг, но похоронил с почётом. Вот вам то, что касается Владимира.

Но теперь мы с вами переходим к чему-то более литературному. До этого мы рассматривали «Повесть временных лет» только как источник фактов, забыв, что перед нами авторский текст, и текст этот – не только документальный, но и художественный. Но чтобы начать говорить о литературе, нам надо еще разобрать вопрос, связанный с материалами. Я вам напомню ту вещь, которую вы и без меня прекрасно знаете, – то, что книги будут писаться на пергаменте. Я вам напомню, что пергамент – это специальным образом выделанная кожа ягнят и козлят, и чем моложе зверюшка, тем лучше кожа, и тем, логично, меньше кожи из нее получится, поэтому тем кожа дороже. Такая вот, понимаете, сложная ситуация. То есть пергамент – материал чертовски дорогой. Конечно, будут повседневное на бересте писать. Кстати, про Новгородский кодекс слышали, нет? Древнейшая из известных на сегодняшний день древнерусских книг. Это три деревянных листа, соединённые между собой и изнутри покрытые воском. Получаются четыре восковые страницы. Многослойный палимпсест: писали, стирали, снова писали, сейчас как-то с помощью всяких хитрых технических средств пытаются восстановить стёртые слои. Но верхний слой, его

вполне себе прочли, – это псалтырь. Да, древнейшая русская книга.

Итак, по дереву, покрытому воском, тоже писали и по бересте писали, но самое главное будет на пергаменте. Материал дорогой, поэтому лишнего писать не будут.

И вот здесь мы подбираемся к главному. Ради чего создаётся древнерусская литература? Какова ее цель? А до того создавалась литература старославянская Кириллом и Мефодием. Кирилл был, собственно, создатель славянской азбуки. Кстати, замечу в скобках, создал он отнюдь не кириллицу, а создал он глаголицу (подробности смотрите в Википедии, там приличная статья).

Так вот, с какой целью пишутся книги? Донести христианские идеи – ответ, конечно, правильный, но так в семёрочку примерно попали. Главная, а по сути *единственная цель* этой литературы? Зачем доносить христианские идеи? Для развития духовности? Духовности кого? Утверждать христианство? А зачем утверждать христианство? Ради политики? Ну хорошо, это позиция Владимира, но не он же сидел переводил. Зачем переводили? Зачем Кирилл создавал свою азбуку и переводил тексты с греческого на старославянский? Зачем Отцы Церкви писали? Зачем у нас всё это переводили и переписывали? Цель этой литературы? Уже перешли, собственно, к литературному вопросу.

Спасение души для вечной жизни. Четко и однозначно.

Знаете, мы об это будем спотыкаться еще очень много

раз в течение этой части курса. Наше сознание настолько атеистично, независимо от вероисповедания, что это просто ужас. Дорогие мои, умоляю вас, попытаться представить себе таки верующего человека. Для верующего человека есть единственная настоящая реальность – это Господь Бог, всё остальное – это пыль, тлен и суета. И единственный способ приобрести какую-то реальность самому – это приблизиться к Богу, это спасти свою душу. Это то, что мы с вами называем «попасть в рай», но это мы с вами воспринимаем примерно так, как советский человек путёвки в санатории добывал. А для них это не путёвка в санаторий, речь не о том, что ты в раю комфортно отдохнёшь после смерти. А это другое, это именно понять, что всё земное, всё материальное – оно всё тленно и только приближение к Богу и спасение души – это тебя из тлена приводит в вечность. Мы не можем влезть в это сознание, у нас ценности только земные, мы атеисты независимо от нашего вероисповедания. И сколько раз я вам буду задавать вопросы, которые будут упираться в христианское мировоззрение, столько раз вы мне будете говорить самые разнообразные вещи вместо этой, простой и четкой. Я на своих лекциях подобного рода вопросы задаю регулярно, и ответы не те, что надо, я тоже получаю регулярно.

Так вот, вы должны понимать, что спасение души для христианина – это единственная реальность. Материальная жизнь для него реальностью не обладает. И раз это так, то всё, что способствует спасению души человеческой, – всё хо-

рошо, важно и нужно, а что этому не способствует, то абсолютно не нужно. Так просто, ясно и понятно.

И вот здесь мы с вами сталкиваемся с тем явлением, о котором я на самом деле сегодня уже целую лекцию говорю, просто я сейчас вам поверну его другим боком. Речь идет о том, что когда у нас на Руси возникает литература, то она возникает сразу же, как Афина из головы Зевса – взрослой и в полном вооружении. Вооружение у нее какое? Война у нее какая? Борьба за души человеческие, борьба за спасение души. Всё, что способствует спасению души, для такой литературы хорошо, всё, что не способствует спасению души, я не сказала «вредит», я сказала «не способствует», для такой литературы никак или пофиг, извините за научный термин.

Поэтому возникает чрезвычайно любопытное явление, мы можем его называть термином «учительность». То есть мы с вами оцениваем литературное произведение как хорошее или плохое по тому, какие идеи оно несет, потому что наша культура, возникнув как учительная при христианизации в X веке, будет развиваться и дальше в этом ключе, потом она впишется в проблемы духовных исканий XIX века, когда начнётся атеизм, и тогда, как вы прекрасно знаете, у нас возникнут всякие монстры типа «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». То есть учительность из христианской (спасение душ христианских для вечной жизни) будет переходить в учительность социально-политическую, в нравственность. А потом это будет просеяно

через сито атеизма, и в советское время учительность уже советской литературы возрастет, я вам скажу, до уровня X века. Когда произведения будут оцениваться как хорошие или плохие исключительно по тому, насколько они воплощают советские идеалы. Да. Брежнева не читали, там эту, «Малую землю», «Возрождение», «Целину»? Читали? – соболезную, а вот нас судьба уберегла. Я была классе где-то в четвёртом, когда эти шедевры вышли и бедные десятиклассники должны были по ним сочинения писать.

Понимаете, шутки шутками, но в этом принципиальное отличие русской литературы от любой другой литературы в мире, потому что именно у нас литература возникает, как чёрт из шкапулки, как джинн из бутылки, как Афина из головы Зевса, потому что нам ее привозят экспортом из Византии. Спасибо Кириллу с Мефодием за переводы Евангелия и богослужебных текстов на славянский язык. И поэтому сразу литература возникает с единственной целью – спасение душ. И всё, и это нам остается главным тезисом на протяжении всей нашей культуры. И заметьте, что сейчас все кому не лень, а не лень, как обычно, очень многим, будут ругать ну ту же самую Донцову и весь иронический детектив, вместо того чтобы, например, рассматривать ее как удивительный феномен современной культуры, каковой она и является, если такие книжки читают почти все. Понимаете? Уж явно это значит, что перед нами мощнейшее явление культуры, причем абсолютно уникальное. Тем не менее Донцову принято

читать и Донцову принято ругать. А почему принято ругать? Потому что как идеалы в X веке в нас были заложены, так можно сменить этой стране религию, но главный принцип литературы остается: «Сейте разумное, доброе, вечное». И вот если литература сеет разумное, доброе, вечное, это якобы хорошая литература, а если она не сеет что положено, то ей отказывают в праве называться литературой, пусть даже ее все читают. Ведь ничего дурного, надо сказать, Донцова не делает, она дает зверски замученным людям немножко отдохнуть, немножко развеяться, немножко выдохнуть. По-моему, так это неплохие книжки. Мне они просто не нужны, потому что у меня нет этих проблем. Но пару абзацев оттуда мне показывали. Ну, знаете ли, яркий увлекательный текст.

Вы думаете, Донцова – это что-то принципиально новое? Сказать вам, как подобные тексты назывались в XV–XVI веках? Критический спойлер к последующим лекциям. Они назывались «неполезные повести». Идеальный термин, я считаю. И тоже были зверски популярны.

Выдохнули. Почему я вместо «Повести временных лет» заговорила о Донцовой? Чтобы показать вам на деле, что вопрос формы и содержания – это действительно трагический вопрос русской культуры, вопрос из ряда «Кто виноват?» и «Кому на Руси жить хорошо?». Если содержание книги не душеполезно – ату ее! И неважно, какая там форма: бодренькая, как у Донцовой, или гениальная, как у поэтов Серебряного века. И ведь вроде не десятый век на дворе, но – неру-

шимые русские ценности, черт бы их побрал.

Итак, идея учительности будет висеть над нами дамокловым мечом весь этот курс. Забегая сильно вперед: будем мы с вами разбирать всевозможные «Памятники». Жил да был римлянин Гораций и писал он, как вы знаете, вирши латинские. И за что же, как он считал, ему положено бессмертие? За то, что он хорошо писал стихи. Мысль о том, что хорошее стихотворение – это *хорошо написанное* стихотворение, для русской культуры так нова, что вы каждый раз будете удивляться, когда я вам буду это пытаться доказать, а я буду говорить это много и настойчиво, цитируя разных интересных авторов. И всё равно русский человек может это выучить, но понять он этого не может. Он привык, что хорошее стихотворение – это стихотворение, которое сеет разумное, доброе, вечное. Что, к сожалению, глубоко ошибочно.

Ну вот, мы с вами уже больше часа отмахали, но всё еще не начали говорить о «Повести временных лет» как о *тексте*. Хотя я вам ее уже цитировала, и весьма изобильно. Но мы ее рассматривали только как источник информации, а не собственно литературное произведение.

И вас это не смущает!

Вот оно, наследие и десятого века, и натуральной школы, и советской культуры. Проблемы, которые поднимает текст, – ура, разбираем. Смотреть на текст как на фактографию, как на энциклопедию русской жизни соответствующе-

го периода – вперед! Но всматриваться в композицию произведения, в художественные образы, в авторский стиль – нет, зачем, это мелочи!

В свое оправдание я скажу, что это мелочи, прежде всего, с точки зрения самого Нестора. Он писатель весьма яркий, я докажу вам это, но – его талант неинтересен ему самому. Он ставит перед собой строго душеполезную цель: написать фактографию, а художественность там вылезает местами, временами и контрабандой.

К разбору оной контрабанды мы и приступаем.

Смотреть на Нестора как на автора очень забавно. Итак, русская литература как явление только начинается, поэтому, хотя он человек чертовски образованный, он не умеет выражать свои мысли. Он хочет их выразить, но не знает, как это по-русски сказать, зато хорошо знает, как это сказать по-гречески. Если вы возьмёте любой пассаж из «Повести временных лет», когда Нестор пытается что-то накипевшее в нем, пламенное высказать, то вы на этом пламенном пассаже вдруг будете... ой, крепко засыпать. Применять по одному пламенному пассажиру при бессоннице. Потому что это цитаты из Священного Писания и Отцов Церкви в количестве «одна связка бус» на тему. Ну, как-нибудь хорошо выпавшись, попробуйте любой одолеть и над ним подумать, просто попытаться представить себе человека, который писал. Что с ним происходит? А происходит с ним следующее: он как только хочет что-то искренне высказать, он сразу начинает

по этому поводу сыпать цитатами! – посмотрите сколько из него высыпается одновременно. Три, четыре, пять, шесть, семь цитат из разных источников. Это к вопросу об объёме его памяти. Он это всё держит в голове, понимаете. Поиском там не надо рыться. Но *своих* слов для, черт побери, *своих* мыслей у него нет!

Лирическое отступление. Мне на днях попала в Интернете статья, где современную культуру ругают за то, что она стала набором мемов. Вот у нас, сирых и убогих, никаких своих мыслей нет, мы мемами мыслим, из нас мемы сыплются, как из мешка горох, хлоп. А ра-аньше зато...

Откройте Нестора! И вы узнаете много нового о том, что такое «шаблонное мышление» и «мыслить мемами». Мемы у него другие, да, но проблемы те же.

Мы сейчас читаем текст и дойдём до известного вам (я надеюсь, известного вам по школе, если школа всё-таки была хорошая) текста похвалы книгам. А знаете, почему похвала книгам в каждую хрестоматию по древнерусской литературе входит? Почему? Не потому, что «любите книгу – источник знания», по другой причине. Это самый большой, взволнованный текст от автора, написанный Нестором *лично*. Его можно понять, он книжник, он так любит книги, что по их поводу его хватило аж на несколько строк, написанных своими словами, а не цитатами из Священного Писания. Вот прорвало его, вот он смог написать сам, чёрт, круто!

Когда Нестора читаешь как читатель, это ужасно: опять он

тут пошел на два абзаца цитаты разводить, дайка я их перелистну. Но если читаешь как христианин, то, наверное, это терпимо и даже хорошо. А когда читаешь как культуролог, то понимаешь, как он старается выразить мысль, а ты ощущаешь его косноязычность: из Нестора рвутся искренние слова, но всё, что он может сказать, это заученные фразы. Вы знаете, куда у нас тут внезапно перекинется мостик? Аж в «Двенадцать стульев»! Если помните, был там митинг по поводу пуска трамвая, когда инженер пытается рассказать, как много они трудились и как здорово, что наконец-то трамвай пущен, и вдруг начинает говорить про мэ-мэ-международное положение нашего государства. Мешок с мемами прорвался, мемы вместо своих мыслей. Вот тот же вам Нестор с его цитатами. Это одна и та же ситуация. Это ситуация младокультуры, которая выучила своё разумное, доброе, вечное, и пусть для Нестора и для начала советской культуры – это разные разумные, добрые и вечные, но всё равно люди могут только работать магнитофоном, они не умеют говорить своими словами.

Но Нестор пытается.

Нестор всеми силами пытается, причем в одном случае четко выдает, кто он по национальности и месту рождения. Он славянин, он киевлянин. Откуда мы это видим?

Некоторые же, не зная, говорили, что Кий был перевозчиком; был-де тогда у Киева перевоз с той стороны Днепра, отчего и говорили: «На перевоз на Киев». Если бы был Кий

перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду. А этот Кий княжил в роде своем, и когда ходил он к цесарю, <какому> – не знаем, но только то знаем, что, как говорят, великих почестей удостоился тогда от цесаря, какого – не знаю, к которому он приходил.

Оцените этот прекрасный пассаж. Нестор тут трудится совершенно самостоятельно, он выдает прекрасную топонимическую легенду, что был на Днепре перевоз (а Днепр в районе Киева знаете какой ширины? Полторы станции метро. Там гигантский мост через Днепр сейчас, станция метро на нем, и поэтому перевоз там уж явно был знаменитый).

Кстати, судя по всему, слово «Кий» означает кузнец. И он, скорее всего, личность легендарная. Итак, Нестор знает топонимическую легенду, он ее честно сообщает, но тут же пытается опровергнуть: дескать, Кий был князем. Перевозчик в роли основателя одного города его не устраивает! И да, «к какому-то, не знаю к какому, но точно византийскому, кесарю Кий ходил и удостоился от него почестей. Нет, не знаю от какого, но точно знаю, что было» – прелестно же!

Смотрите на это как на младокультуру, такую вот незамутненную в своей юности.

Идем дальше. Я вот что вам забыла сказать, когда я говорила о душеполезной литературе. К ней относится не только всё, что необходимо для церковной службы, но считалось, что советскому человеку, то есть, простите, хорошему христианину необходимо знать и «Историю иудейской вой-

ны» Иосифа Флавия, и сборник афоризмов, и историю Александра Македонского. В общем, идея гармоничного развития личности была отнюдь не только в раннесоветский период, а в X веке всё это уже проходили, пусть и по-другому. То есть переводились и исторические сочинения, и «Христианская топография Козьмы Индикоплова», и многое другое.

И следуя идее всестороннего развития личности, Нестор в «Повесть временных лет» включает описание того, какие же племена были в славянской земле, а также в окрестных землях.

«Поляне имеют обычай отцов своих тихий и кроткий, стыдливы перед снохами своими и сестрами, и матерями; и снохи перед свекровями своими и перед деверями великую стыдливость имеют; соблюдают и брачный обычай: не идет жених за невестой, но приводят ее накануне, а на следующий день приносят что за нее дают. А древляне жили звериным обычаем, жили по-скотски: убивали друг друга, ели все нечистое, и браков у них не бывало, но умыкали девиц у воды».

И так далее, из всех славянских племен единственным приличным являются поляне (то есть те, кто живет вокруг Киева), а на остальных смотреть стыдно. Классическая тенденциозность.

И от описания славянских племен он переходит к более широкому географическому охвату: «Индийцы – убийцы, сквернотворцы и гневливы сверх всякой меры» и так далее.

Я не буду вам всё это цитировать, разумеется. Амазонки тут тоже были, ну как же мы без амазонок.

Но меня, как человека, который много лет занимался кельтской культурой, очень порадовало сообщение, что «*в Британии несколько музеев с одной женою спят*». Про Ланселота и Гвиневеру в курсе, да? Гвиневера – одна штука, при ней имеются Артур и Ланселот, нормально. Тристан и Изольда примерно то же. И вот эта цитата из «Повести временных лет» про Британию у меня во все лекции по кельтике вошла чуть ли не эпитафией:

«Половцы держатся законов отцов своих, кровь проливают и хвалятся этим, едят мертвечину и всякую нечистоту».

И так далее. Тенденция понятна. Везде ужас, кроме полян.

Дальше мы снова говорим о приходе варягов, но теперь нас интересует не фактография, а легендарные элементы – они совершенно откровенно присутствуют здесь, это очевидно, это не нуждается в доказательствах. Сначала у нас Кий обрастал двумя братьями, теперь Рюрик ими оброс. «И вот пришли три брата, варяги средних лет. Глядят – земля богата, Порядка ж вовсе нет»... Н-да, я тоже заговорила мемами. Итак, эти самые братья Рюрика, Синеус и Трувор, – это никакие не реальные личности, а переводится это как «его род» и «верная дружина». Это давным-давно было выяснено.

Зачем князю обрастать братьями? Потому что три брата –

это не просто древний мем, этому мему в индоевропейской культуре тысячи этак три лет. Это то, что называется «квазиистория»: реальной истории противоречит, но в народном сознании воспринимается как то, что правдивее правды. Три – число завершенности, поэтому если у нас князь-основатель, то их три брата.

Времени у нас уже почти нет, идем по тексту выборочно.

Мы добрались до Олега. Что вы знаете про него? Вы Пушкина знаете – «Песню о Вещем Олеге». А Пушкин, собственно, нам стихами пересказывает то, что Нестор излагает прозой. Что Олегу предсказана гибель от его коня, он этого коня отпускает, а дальше приходит посмотреть на его кости, узнав, что конь умер, и тут некая змея жалит его в ногу. Особо остроумные товарищи пишут, что змею звали Игорь. Что, конечно, князь умер от яда змеи, но «змея» была в переносном смысле слова. Когда люди, имеющие критическое мышление, смотрят на эту замечательную историю, то, во-первых, видно, что она насквозь фольклорна, а во-вторых, ведь князья не босиком ходили, а сапоги у них были хорошие, а гадюка (а ничего более крупного ядовитого в окрестностях Киева не водится, князь Игорь не в счет), так вот, гадюка не может прокусить сапог. То есть с точки зрения зоологии никак история гибели Олега не реальна. Но я скажу, что в одиннадцатом веке люди были не глупее нас с вами, а в гадюках и в сапогах понимали чуть-чуть побольше, чем мы с вами. То есть что этот текст абсолютно легендарный, это впол-

не себе воспринималось нормально. Но почему Нестор так пишет? Во-первых, вполне возможно, что этими легендами Олег оброс не под пером Нестора, а несколько раньше. Значит, речь идет о том, что перед нами мифологизация реального человека, наделение его смертью эпического героя. Обратите внимание, это не сознательное решение, оно скорее происходит от избытка эмоций, от избытка положительных чувств. То есть на уровне подсознания (или вдохновения) происходит следующее: Олег был выдающийся правитель, и по этой причине смерть его должна быть, как у героя эпоса.

А что такое смерть героя эпоса? Герои в эпосе всегда гибнут через самого себя. Что это означает? Это означает, что он так или иначе, прямо или косвенно свою смерть провоцирует. Очень часто формой провокации смерти оказывается попытка от смерти уйти, да. Так Эдип пытался избежать судьбы – и вот сам прямиком в нее и вляпался. Классический пример. Кроме того, эпический герой регулярно гибнет через ноги, это совершенно стандартно. Кроме того, как вы понимаете, имя «Олег» – это русифицированная форма скандинавского имени Хельги. А для скандинавов мотив гибели от некоего весьма интересного укуса змеи – это тоже классика (сразу «Старшая Эдда» вспоминается, хотя детали гибели другие). Итак, в народных сказаниях Олег приобрел эти черты эпического героя. И Нестор их включает в свой текст по причине гигантской любви и уважения к Олегу.

Ровно то же творится и дальше. Если вы посмотрите на

историю мести Ольги за убитого Игоря, то вы увидите, что никакой рационалистической критики эта история не выдерживает. Это, разумеется, не отражение реальных событий, не может быть, чтобы древляне трижды сватались к Ольге, чтобы после того, как не вернулись два посольства, они послали посольство третье – не смешите мои тапочки. Специалисты давно уже сказали по поводу тройственной мести Ольги, что это мотив «смерть-свадьба», очень широко представленный в фольклоре, отождествление брачных и похоронных обычаев. Но в фольклоре он связан с образом невесты, а в литературе он оказывается перенесенным на жениха, на послов жениха (потом в «Слове о полку Игореве» он нам тоже встретится, и это будет гибель русичей). Так что мифологизация, фольклоризация образа Ольги тоже, видимо, произошла в народной среде, а потом Нестор нам это сохранил как возвеличивание княгини.

Я сейчас листаю конспект и вот тут как раз вышла на нашу цитату про многонациональный поход Игоря. Давайте отвлекусь немного от разбора текста, снова пара слов про исторические параллели. Итак, со своим замечательным войском Игорь отправляется на греков, и жители Корсуня посылают в Византию гонцов со словами: *«и болгаре послали весть, говоря – идут русские, и наняли себе печенегов»*. Чем это прекрасно? Мы с журнальцами над этой цитатой зависали надолго, потому что цитата «русские идут!» наводила ужас на Америку во времена «холодной войны». Как вы видите, эту

часовню тоже развалили довольно давно, и даже не в двенадцатом веке, а еще в девятом. Вот вам возраст этого ужасного клича «русские идут».

И вот Нестор доходит до Ярослава. *«Ярослав заложил великий город Киев и того городу – Золотые ворота, заложил и церковь Святой Софии Премудрости Божьей, затем церковь каменную на Золотых воротах»* и так далее. Почему главный собор Киевской Руси – именно Софийский, причем и в Новгороде тоже Софийский, объяснять надо? Правильно, потому что в Царьграде тоже София. Потому что Русь не хуже Византии, это прямой и четкий ответ Царьграду.

А теперь смотрите.

«Как если один землю вспашет, другой же засеет, а иные жнут и едят пищу неоскудевающую, так и этот. Отец ведь его Владимир землю вспахал и размягчил, то есть крещением просветил. Этот же Ярослав, сын Владимиров, посеял книжные слова в сердца верующих людей, а мы пожинаем, учение принимая книжное.

Велика ведь бывает польза людям от учения книжного; книгами наставляемы и поучаемы на путь покаяния, ибо от слов книжных обретаем мудрость и воздержание. Это ведь реки, напоющие всю вселенную, это источники мудрости; в книгах ведь неизмеримая глубина; ими мы в печали утешаемся; они – узда воздержания. Велика есть мудрость; ведь и Соломон, прославляя ее, говорил: «...»».

«И толпа, услышав четвёртую международную речь, по-

бледнела». Вот обещанный пассаж похвалы книгам. Я не помню, как там это всё редактировалось для школьников. Я точно помню, что мы это как-то в школе проходили, но естественно, что про путь покаяния и узду воздержания советским школьникам вырезали. А между тем именно это, по мнению Нестора, есть то самое разумное, доброе, вечное, которое сеется посредством литературы.

Что еще?

Я не буду больше вам цитировать, вы подустали. Вы сегодня услышали много нового об абсолютно известных вещах, и в этом заключалась принципиальная новизна. Да, именно так. Я лишь повторю, что главная ценность литературы русской от момента ее возникновения – вот она: узда воздержания, быть наставляемым книгами на путь покаяния. И в этом самое удивительное, что, несмотря на такие цели и методы, у нас пошла развиваться художественная литература, о которой мы будем немножко говорить в следующий раз.

Лекция 2. Становление стиля древнерусской литературы

Мы с вами продолжаем наш разговор о становлении древнерусской литературы. Сегодня нас ждет завершение анализа начального этапа, и затем мы попробуем обрисовать культурную ситуацию, в которой возникло «Слово о полку Игореве».

В прошлый раз, как вы помните, мы говорили о такой бяке, как учительность. Поскольку древнерусская литература возникает благодаря принятию христианства, то сразу же она ставит себе задачу правильно воспитывать христианина. И опять же, напоминая, вам оказалось неким откровением, что для христианина самое главное – это жизнь вечная, а всё мирское – тлен и подготовка к жизни вечной. И литература должна сеять именно это вечное (а также разумное и доброе), но не в некрасовском понимании, а в христианском. Это вы, я надеюсь, осознали.

И теперь мы должны с вами перейти к следующему аспекту, к следующей большой проблеме всей нашей литературы, включая современную. Знаете, есть такое русское слово, которое на иностранных языках идет без перевода... как «спутник», «перестройка», другие загадочные русские реалии, и в этом ряду непостижимое слово *padryv*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.